

ТАМ

Григорий
Беззуб

42

Юрий Бедзик

ЭТАЖ

42

роман

ПЕРЕВОД
С УКРАИНСКОГО
Л. КЕДРИНОЙ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
1982

Юрий Бедзик — известный украинский писатель. В 1960 году вышел в свет его первый роман «Полки идут на переправу», в 1962 году — роман «Альма-матер», в 1966 году — «Честь мне дороже», книга, удостоенная премии Министерства обороны СССР.

Помимо военной темы, которая Ю. Бедзiku — участнику Великой Отечественной войны — особенно близка, писателя волнует тема современной рабочей молодежи. Этому посвящены такие его романы, как «Окрыленность», «Лазурь» и предлагаемая книга — «Этаж-42». Писатель рассказывает в ней о жизни строителей-монтажников.

Художник

Валерий КРАСНОВСКИЙ

аконец-то они уезжают. Поезд в восемь вечера по лейпцигскому времени. Найда стоит у окна, за которым льет густой обложной дождь. Город механиков, печатников и зодчих утопает в туманной мгле.

Возле дверей стоят чемоданы. Все готово в дорогу. Алексей Платонович Найда, плотный, в годах, с маленькими седыми усиками, бригадир строительной бригады, думал, подавляя тревогу: если до семи Инга не явится, они отправятся на вокзал одни. Он недалеко. Доберутся, найдут.

Петр Невирко, задумавшись, сидел возле приемника — изящного аппарата на тоненьких ножках, — то ли вспоминал о чем-то, то ли думал. Ему двадцать пять, но кажется, будто прожил такую большую жизнь. Первая поездка за границу, в братскую республику, поразила и измотала его до предела.

Делились опытом с немецкими коллегами, опытом работы по высшему классу, по наистрожайшим нормативам. Ему пришлось соревноваться с их прославленным асом панельного строительства Юргеном Крайзманом. Шесть часов под проливным дождем, потом шесть часов в ночную смену, при прожекторах, когда все мокрое, скользкое, неверное, и ты не видишь даже нивелира, когда лом выскальзывает из рук, и форкопфы кажутся такими же тяжеленными, как бетонные плиты. Хронометрировали каждый подъем крана, точность монтажа замерялась до микрона. До сих пор руки болят из-за этой сырости, из-за проклятого тумана.

Алексей Платонович, вынуд блокнот, стал просматривать какие-то записи, искоса поглядывая на парня. Молодец Невирко!.. Почему-то он напоминал ему родного сына. Толя тоже рьяный в работе, умеет добиваться своего, и люди его уважают, и у начальства в почете. Собственно, и сам уже начальство. Командует на киностудии документальных фильмов. Фиксирует, так сказать, жизнь в ее наиболее ярких проявлениях.

Шумел дождь, тихо лилась из приемника музыка, было уютно и в то же время тревожно. Как в каюте корабля — плывут, плывут куда-то, вокруг водная стихия, неизвестность. Кончаются их последние минуты на немецкой земле. Найда глянул на часы и невольно посмотрел на дверь: Инга опаздывает, что-то ее, вероятно, задерживает, у пунктуальных немцев тоже случается всякое... Ничего, здесь близко, через несколько кварталов... Найда прошелся по комнате, зачем-то заглянул в ванную, закрутил получше краны, взглянул на вешалку, на кровать и стол, где в белой перламутровой вазе стояли цветы.

Положил тяжелую руку на плечо Невирко.

— Хорошо, что не согласились на самолет. Погода, как видишь, дрянная. А так — завтра дома.

— Хлопцы ждут в бригаде, — сказал Петр. — У нас, может, тоже дождь.

— Может, дождь, — согласился Найда, подумав, что нужно было сказать: верно, тяжело им там в дождь.

Он вздохнул. Вдруг представилось ему, как они явятся на комбинат и сколько будет вопросов, охов да ахов. Встретит их Николай Обрийчук, комсорг, тяжелоатлет, который запросто прутья железные гнет, коли сильно разо-

злится на кого-нибудь. Этот, конечно, начнет расспрашивать про разные лейпцигские чудеса, может, и львов вспомнит. Перед отъездом задал Найде смешной вопрос: правда ли, что там, в зоопарке, торгуют львами. Вот про это сразу и спросит. Прямо под открытым небом устроим свою пресс-конференцию. И Петр расскажет, что они видели, чему надо у них поучиться, а с чем они не согласны. Например, о том, что лучше выверить по нивелиру каждую поставленную панель, каждый новый элемент, это и надежнее, и точнее, хоть, может, и отнимает больше времени, но тут уж, как поставишь, железно будет стоять, через сто лет можешь проверить. Петра фотографировали для газеты, были их документалисты, на советского мастера нацеливали кинокамеры, внимательно, с интересом, с уважением: смотрите, как русские умеют работать, какие у них точные движения, блестящие приемы!

Радовался Найда, словно уже видел на экране высокую фигуру Петра. И себя видел, и немецких товарищей. Недаром побывали за границей — не уронили рабочей чести. Но между тем что-то не давало ему покоя, и не было полной радости, сердце билось беспокойно и тяжело.

Знал: это он повезет с собой домой, и долго у него будет болеть рана, которую он разбередил. Давно хотел посетить места, связанные с войной. Собственно, ради этого и согласился поехать в Лейпциг. Поехал, увидел. И теперь хмурится от дум, и всегда будет хмуриться, все годы, которые ему суждено прожить. А было так. Вместе с Петром они отправились в Визенталь, аккуратный, будто по шнурку построенный городок, среди пологих холмов с туманной полоской леса на горизонте. (Век бы того Визенталья не видеть!) В первый день войны попал он туда впервые. И в сорок пятом, в мае, снова увидел его. И вот теперь с Петром Невирко — почему бы не проводить? От сиротского приюта, верно, и следа не осталось, те дети, которых он подкармливал, урезывая свой офицерский паек, давно стали взрослыми гражданами республики, один, говорят, в Берлине — заместителем министра, вершит государственные дела. Да что тут удивительного? Инга Готте стала журналисткой международного масштаба, ее статьи печатаются в столичной прессе, бывает, и с высоких международных трибун ссылаются на ее слово. Порвала с Федеративной, живет в демократической Германии.

Инга родилась в сорок втором. Попала в приют для сирот. После нападения на приют эсэсовской банды оказалась похищенной и жила в Западной Германии, в доме нацистского бонзы Вилли Шустера. Мать здесь, а она — там. Вдали друг от друга, разбросанные судьбой. Минувшие годы. В Лейпциге появилась элегантная девушка, ведущая журналистка с заданиями от десятков европейских газет и агентств. Хотела увидеть мать, но не застала ее в живых. Осталась тут и в Гамбург написала, что не вернется. Она считала, что после того, как умерла мать, никто не знает, что тогда, давно, произошло, а ей хотелось бы все выяснить.

Вчера на прощальном банкете начальник управления товарищ Опиц — крепко сбитый, средних лет человек — на чистом русском языке произнес тост, в котором выразил свою благодарность Алексею Платоновичу. После этого были дружеские объятия, рукопожатия, в подарок каждому — маленькие часики с электронным механизмом, потом веселая музыка самодеятельного оркестра, оригинально и без единой фальшивой ноты исполнившего «Подмосковные вечера» и «Полюшко-поле». С ответной речью перед притихшими рабочими, группками сидевшими за отдельными столиками, выступил Найда.

Вечер затянулся, все были утомлены. Найде и Невирко хотелось остаться одним в номере, передохнуть, но товарищ Опиц напоследок предложил проехаться по ночным улицам города, его поддержали остальные — и их повезли в ночь, за город, через хоровод неоновых огней к какому-то загадочному озеру, у берега которого ослепительно сверкал разноцветными огнями красавец корабль с высокими мачтами, будто какое-то романтическое видение. И снова в глубоком трюме навеки пришвартованного к суше корабля лилось пиво, провозглашались тосты, молоденькие девушки приглашали Найду и Невирко танцевать, и они танцевали с ними. Когда наконец их снова привезли в гостиницу, они, войдя в номер и быстро раздевшись, тотчас провалились в тяжкий, глубокий сон...

В дверь постучали. Найда, прежде чем сказать «Войдите!», бросил на Петра ободряющий взгляд, поднялся и шагнул к двери. Вошла Инга в легком плаще, посеребренном капельками дождя.

Петр вскочил с кресла, заторопился ей навстречу.

— Прошу...— указал на стул Найда, и тотчас на его лице проступило то растерянное выражение, которое Петр уже не раз замечал у него в эти дни.

— Извините, товарищи,— сказала Инга, почувствовав, что ее ждут здесь давно.— Забарахлил мотор. Что-то с карбюратором...

— Да что вы, Инга... В такую погоду...— глянул на темное окно Алексей Платонович.— Мы могли бы и сами.

— Вы слишком дорогие гости для меня, геноссе Найда и геноссе Невирко.

— Хоть и дорогие, а прощаться придется,— намекнул на нехватку времени Найда. И тут же взял один из чемоданов, кивнул Петру, чтобы и он поторопился.— Спасибо этому дому, как говорят у нас на Украине,— и первым направился к выходу.

Быстро сдали ключи от номера дежурной по коридору и спустились вниз. Непроглядная дождевая завеса укрыла улицы города, окутала дома, величественное здание театра оперы, но неон по-прежнему играл с беззаботностью на стенах домов, вспыхивал, мерцал, горел живым серебром в мгlistой темноте.

Инга предупредительно открыла перед Найдой и Невирко дверцы машины. Сама села за руль. Это была ее собственная автомашина — «вартбург» ультрамаринового цвета.

— Мама жила на этой улице,— кивнула она куда-то в сторону, в тесный проем между домами.

Петр заметил, как сошлись у Алексея Платоновича на переносе брови. Видимо, болью отозвались в его душе эти слова Инги, и он не нашелся что ответить. Право, удивительно! Инга так легко и просто вспомнила свою покойную мать, будто совсем постороннего человека, а вот Алексей Платонович нахмурился. Брови его сомкнулись еще теснее.

Под колесами хлупала вода, «дворники» ритмично и безостановочно боролись со струями воды, очищая короткие, отрывочные сегменты ясного стекла, в которых из водяной пыли возникали темные фигуры и тут же исчезали. Инга, осторожно притормаживая, умело вела машину, казалось, она вся была во власти движения, ни о чем не думала, ничего не чувствовала, но Алексей Платонович, украдкой поглядывая на нее, улавливал на ее

лице грустную задумчивость, и снова грудь его сжимала та печаль, что охватила его в день их встречи на Франкфуртском вокзале.

Тогда, при первом знакомстве, Инга сказала ему с болью: «Я знаю, что вы хотели вырвать меня из рук шуштеровских бандитов в лесу Ошаца. Я специально ездила в те места и видела лесную виллу Шустера. Но я так мало знаю о жизни своей матери... и почему я оказалась вдали от нее...» Он ничего ей не стал рассказывать, ибо сам не все знал и многое еще было неясным. Сейчас ему тоже не хотелось говорить о прошлом.

— Ждем вас у себя, фрау Инга,— произнес он умышленно беззаботным тоном.

— Считайте, что я уже в дороге,— в тон ему ответила Инга.— Только бы не подвело здоровье.

— На Днепре необыкновенный воздух. Приезжайте весной, когда все цветет. Сразу забудете о своих болезнях.

Оставив машину на одной из боковых улочек, они вошли в огромное здание вокзала. В туристских путеводителях его называли самым большим вокзалом Европы. Люди в его ярко освещенном необъятном зале чувствовали себя маленькими, и невольно возникала мысль о том, что они тут случайные гости, а вокзал ждет иных пришельцев, каких-то сказочных исполинов, которые придут сюда из неведомых миров.

В купе вагона Найда и Невирко застали молодую женщину с измученными (или, может, усталыми) глазами. На ней был белый джемпер с высоким, плотно облегающим шею воротником, короткая, не прикрывающая острые коленки юбка. Руки у женщины были тонкие, бледные, и лежали они на белой салфетке, словно пальцы пианиста на клавишах. Напротив нее сидел пожилой мужчина с веселыми глазами и что-то оживленно рассказывал своей попутнице.

Найда, войдя в купе, положил на верхнюю полку чемоданы и сразу же ощутил неловкость оттого, что своей громоздкой фигурой занял почти все пространство. Инга и Петр стояли в коридоре. Уловив на себе любопытный, доброжелательный взгляд женщины, Инга смутилась и сказала Алексею Платоновичу, что ей уже пора. Втроем вышли из вагона.

Было сыро, густая изморось заплывала под навес плат-

формы, заставляя людей зябко поеживаться. Вдоль вагонов, нервничая и суетясь, спешили пассажиры.

Стрелка на больших часах незаметно приближалась к восьми, и Найда вдруг почувствовал непреодолимое желание остановить ее, словно от этого могло остановиться время и поезд их никуда не повезет, они снова сядут с Петром в машину Инги Готте и поедут по мокрым улицам к дому, где когда-то жила фрау Арндт, войдут в ее комнату, и тогда Найда припадет губами к руке Инги и все ей расскажет... Все-все...

Но как ни хотел он, чтобы стрелки остановились, они продолжали упорно двигаться по белому циферблату: время подвластно только своим собственным законам.

— Мы завтра же опубликуем в газете сообщение о вашем визите к нам,— нарушила затянувшееся молчание Инга.

Она до конца хотела выполнить миссию хозяйки, но уже не находила слов, которые могли бы заполнить пустоту молчания, слов, которые уберегли бы ее от досадной неловкости.

— Наши газеты сделают то же самое,— с облегчением сказал Найда.— А мой друг Петр,— он сжал локоть Невирко,— надеется на приезд мастера Крайзмана.

— И конечно же, мы ждем вас, фрау Инга,— добавил Петр Невирко.

— Итак, до встречи! — поднял на прощание руку Найда.

Впереди заискрился зеленый огонек семафора, люди заторопились, поезд начал потихоньку отрываться от платформы.

Петр поднялся в тамбур вагона, а Найда, взявшись за поручень, медленно шагала рядом с вагоном, свободной рукой махая Инге.

Затем, вскочив в тамбур, долго еще махал рукой, посылал привет огням, перрону, городу, Инге. И только после этого вошел в купе.

* * *

В вагоне начиналась своя жизнь. Велись спокойные разговоры, по коридору ходила круглолицая девушка-проводница, предлагая пассажирам чай и минеральную

воду. Петр, втиснувшись в угол дивана, спокойно наблюдал за всем происходящим. Снова дорога. Тут уже свои девушки-проводницы, и кажется, будто рельсы, по которым едут, тоже свои, родные. И все, кто едет в вагоне, словно бы давно тебе знакомы, и всех объединяет чувство товарищества, какая-то неосознанная общность настроения. И уже возникает мысль, что судьба не зря свела тебя с этими людьми, с которыми надо непременно познакомиться или хотя бы присмотреться к ним повнимательнее.

Их соседка оказалась оперной певицей. Она не отрываясь смотрела на зашторенное окно, механически рисуя пальцем на скатерке причудливые узоры. Ее коллеге — директору театра, человеку крепкому, осанистому, с простым лицом — было лет шестьдесят. Человек общительный, он сразу же представил Найде и Невирко артистку («из созвездия молодых талантов!») и тут же назвал себя: «Курбаков. Мы, администрация, создаем все условия для расцвета молодых».

— Кажется, у вас тоже неплохой голос, — сказал Найда. — Помнится, лет двадцать назад вы пели в «Наталке» партию Возного. Я слушал тогда эту оперу...

— И до сих пор не забыли? — искренне удивился Курбаков.

— Хорошее не забывается, — задумчиво проговорил Найда. — После войны мы, молодые офицеры, не пропускали ни одного спектакля, ни одной премьеры. Нам казалось, что на войне каждый из нас не только выполнял свой гражданский долг, но и завоевывал право на все духовные сокровища мира. Как жадно набросились мы тогда на книги! Кино и театр, разумеется, тоже брали в осаду. Не каждому выпадал партер, а счастливы были все.

— Спасибо, друг, — искренне обрадовался директор, хотя не мог скрыть тяжелого вздоха, который невольно вырвался у него, как горькое воспоминание, как застаревшая боль. — Когда-то и моего слабенького голоса хватало на то, чтобы порадовать вас. А теперь все в прошлом...

И начал рассказывать о цели поездки в Лейпциг, о встречах с коллегами по оперному искусству.

— Лейпцигская опера в содружестве с заводской самодеятельностью поставила довольно интересный спек-

такль. Профессионалы и кружковцы объединили свои усилия для важного дела: обсуждали сценарий, проводили вместе репетиции, допустили к участию в массовых сценах заводских любителей. — Он вдруг смутился и уже спокойнее спросил Найду: — А вы, значит, по линии производственной? Учились или учили?

— Обменивались опытом, — ответил Найда.

И рассказал, как они с Петром показывали немецким коллегам приемы монтажа высотных панельных домов, объясняли, как работает известный московский строитель Злобин. Пускай изучают, совершенствуются, добавляют свое. Немцы народ деловой, пытливый, быстро схватывающий все новое.

В это время Алексей Платонович встретился взглядом с Петром: тот, незаметно кивнув в сторону артистки, дал понять, что их соседка устала и пора кончать беседу.

— Вероятно, наша дама хочет отдохнуть, — понял намеков Найда и поднялся, чтобы постелить себе на верхней полке. — Когда проснемся, будем намного ближе к дому, — сказал он улыбаясь.

Забрался на верхнюю полку и Петр. Тут же выключили свет, только над дверью засинел в полумраке глазок ночника.

«Если бы они только могли себе представить, кто такой наш бригадир Найда! — подумал Петр, укладываясь поудобнее. — Полсвета обошел, Европу от Гитлера вызволял, сколько орденов и медалей получил... А теперь вот — наш бригадир». Невирко повернулся лицом к стене, сладко зевнул, засыпая подумал: «Ну и ты теперь кое-что значишь: Европу повидал и себя показал...»

За ночь проехали Польшу. Утром Курбаков проснулся первым, разложил на столике еду, пригласил всех завтракать. Потчевал баварским пивом. Найда отказался, сославшись на больную печень.

— А я выпью, — подала голос их соседка. — Должна же наша небольшая делегация, — улыбнулась она, — отпраздновать возвращение на Родину.

— В таком случае я согласен, — сказал Алексей Платонович, застегивая ворот рубашки и приглаживая волосы. — Только с одним условием: в следующий раз мы соберемся у меня дома...

Когда поезд приближался к родному городу, Петра разбудили с трудом. Сонный, растрепанный, он поспешно соскочил с верхней полки.

— Что... уже приехали? — спросил он.

— Подъезжаем, иди умывайся, — сказал Алексей Платонович. — Ведь нас будут встречать.

Артистка в белом джемпере стояла в коридоре и разговаривала с директором. Петр чувствовал себя неловко: почти всю дорогу проспал, ни с кем как следует не познакомился, путешественник несчастный! А кто, собственно, его будет встречать? Такой почести он не заслужил. Работяга, звеньевой монтажников, которому выпало счастье побывать за границей. Невелика персона!

Петр привел себя в порядок, побрился, завязал щегольской галстук, пригладил вихрастые волосы, почувствовал, как к нему постепенно возвращается уверенность. Лицо у него чуть удлиненное, с запавшими щеками, брови черные. Двадцать пять, а выглядит старше, в очертаниях рта и подбородка — какая-то суровость. Чувствуется характер. Не случайно именно его взял с собой в поездку их бригадир Найда, известный на всю республику мастер своего дела. И, кажется, не промахнулся, даже поблагодарил Петра за отличную работу, за профессиональное умение, которое он продемонстрировал во время обмена опытом на немецкой земле. А если доволен бригадир, будет за него радоваться не только вся бригада, но и высокое начальство, которое, может, отметит его в приказе: звеньевой Петр Онуфриевич Невирко с честью выполнил порученное ему задание! До последнего времени тебя почти никто не знал на комбинате, был ты просто рядовым строителем, главный инженер Гурский при встрече даже не смотрел в твою сторону...

За окном уже проплывали высотные дома пригорода, мелькнул внизу троллейбус, а вот и заполненные пешеходами улицы, узкие, более широкие, просторные. Родной город! Только сейчас ощутил Петр невероятную усталость, и время, проведенное за границей, показалось ему бесконечно долгим, словно годы прошли после разлуки с друзьями.

На перроне Найду встречали сын и невестка. Пока они здоровались, Петр с чемоданом в руке стоял поодаль,

испытывая грусть и одиночество. Никто его не встречает, никому он не нужен...

Найда, уловив его настроение, позвал Петра.

— Мой друг Невирко, — слегка обняв парня за плечи, сказал он, знакомя его с родственниками.

Сын Найды, русоволосый, на голову выше отца, с массивным подбородком и умными серыми глазами, приветливо поздоровался. Его жена Тося, маленькая и щуплая как галчонок, улыбнулась и кивнула головой. Все тут свои, все ему рады, в машину приглашают. Петру стало тепло и уютно среди них, и недавние обиды показались смешными. Ведь сам виноват: послал бы телеграмму хлопцам — половина общежития явилась бы, у Петра Невирко друзей не счесть...

Шли по перрону с шумной толпой прибывших и встречающих, среди цветов и радостных улыбок.

Петр рассказывал Анатолию об отце, расхваливал его дипломатические способности, говорил о том, как немцы уважают Найду: до сих пор помнят, что он спас от голода жителей городка Ошац под Лейпцигом.

— Дочь покойной коммунистки Арндт встретили, — продолжал Петр. — Удивительная женщина эта Инга. Почему-то Алексей Платонович очень переживает, вспоминая прошлое, как будто что-то скрывает...

— Да, я знаю... — тихо ответил Анатолий. — Отец мне кое-что рассказывал.

Вышли на привокзальную площадь. И вдруг Петр увидел в толпе знакомую стройную фигурку. Майка! Быстро шла навстречу под руку со своим отцом, главным инженером Гурским. Видимо, он отправлялся в командировку, она его провожала. Розовое личико ее поразило Петра своей детской миловидностью. В быстроте движений, торопливой походке чувствовалось что-то ребячье, задорное и... родное.

Петр невольно замедлил шаг, но тут же заставил себя оторвать взгляд от Майки. Кажется, разминулись. Петр с облегчением вздохнул и собрался задать Анатолию какой-то вопрос.

Внезапно рядом раздался знакомый голос:

— Петрусь!..

Отец нахмурился, высвободил руку и отошел в сторону. Майка стояла смущенная, радостно удивленная, в своей яркой вязаной шапочке и с таким же шарфиком.

— Ты из Лейпцига? — спросила она, хотя прекрасно знала, где он был. Потом вскинула на Анатолия многозначительный взгляд. Похоже, что они давно были знакомы. — Привет представителю искусства!

Анатолий поздоровался с ней как со старой знакомой.

— Отца встречал. Звони! — и побежал за Алексеем Платоновичем.

Майка как-то просто, по-товарищески взяла Петра под руку, окинула его восхищенным взглядом.

— Забыл?.. Совсем? — тихо спросила с горькой укоризной.

— Может быть... Я бы хотел этого... — жестко ответил он.

— Нет, нет! Только не это!..

— Зачем ты здесь?

— Папу провожаю в Москву, — кивнула она на своего солидного, в дорогом пальто и пушистой шапке отца, стоявшего поодаль с выражением великодушной снисходительности на лице. — Ну... как ты? Жив, здоров? Почему на письмо не ответил? — она провела пальцем по его щеке и губам. — Похудел.

— Не надо, Майечка, — промолвил Петр, осторожно отводя ее руку.

— Моего законного испугался? — Она пренебрежительно передернула плечами. — Нашел кого...

Гурский раздраженно крикнул:

— Мы опоздаем!

Майка чмокнула Петра в щеку.

— Звони! — На ходу обернулась: — Голубович читал твой проект и сказал: ты — гений!

Петр оглядел привокзальную площадь. А где же Алексей Платонович? Вдалеке различил коренастую фигуру Найды, прильнувшую к нему Тосю и Анатолия с чемоданом. «Только не это!.. Ну уж нет...» — подумал он. С него достаточно того, что было. Вполне достаточно...

Понурившись, он направился к трамвайной остановке.

* * *

Найда шел через привокзальную площадь уверенно и бодро: все родное, свое. Даже хмурое осеннее утро не портило настроения. От его внимания не ускользнула

встреча Петра с Майей Гурской. «Ох и закружит она парню голову», — подумал он.

— Как на работе? — спросил он сына.

— Шпарим дубли, — шутливо ответил Анатолий. — Это всегда нас выручает.

— Вот бы нам на стройке хоть по одному дублю делать!

— Вам сие не дозволено, отец, — улыбаясь сказал Анатолий, прокладывая дорогу в толпе. — Вам все нужно делать чисто. С первого раза.

— А брак куда девать? Халтуру Гурского?

— Списывать, как ненормативные отходы, или нам сигнализировать. Мы с этим как-нибудь справимся.

Анатолий мастер документального кино. Упрямый, властный человек. В нем чувствуется незаурядный ум и отцовская хватка. Петр слышал, что на студии Анатолия уважают за доброту, умение быть снисходительным к товарищам по работе. Вместе с женой он встретил отца, подал служебную машину, хотелось прокатить их с ветерком.

Правда, домом верховодит Тося, привыкла командовать мужем и без стеснения пользуется его автомобилем. Увлекается модными вещичками, но, как всякая умная женщина, в меру. Сейчас Тося горячо рассказывает Алексею Платоновичу о житейских делах, мило жалуется на своего Току: дескать, ворчун, просто ужас, нет от него спасения! Условились вчера, что заберет из детского садика сынишку, а он, представьте себе, задержался на каком-то совещании, весь вечер проговорил с трибуны, а ребенок должен был сидеть с дежурной. У нее же самой на работе как раз была служебная вечеринка, привыкли все взваливать на нее: добыть продукты, накрыть стол, провести торжество наилучшим образом. И главное — оставаться веселой, быть душой общества.

— Папа, не слушай ее, — прервал жену Анатолий. Казалось, ничто не могло вывести его из равновесия. — Посуду мою регулярно, из садика забираю сына, наш семейный корабль благополучно одолевает все рифы и препятствия.

— Ясно, что одолевает! — как бы с обидой воскликнула Тося. — Потому что у меня ангельский характер.

— Постыдись при отце... — мягко попытался урезонить жену Анатолий. — Твой характер известен...

— Мой характер — мечта многих мужчин, — кокетливо вскинула головку Тося.

Водитель распахнул перед Найдой переднюю дверцу, невестка с мужем устроились на заднем сиденье. Погода совсем испортилась, небо налилось свинцом. Найда оглянулся на привокзальную площадь, будто снова узнавая ее или в который раз уже здороваясь с ней. Тосина болтовня его слегка утомила, ему хотелось поговорить с сыном, хотелось спросить о чем-то очень важном, а может, и неважном, во всяком случае — о деле. Все-таки хотелось бы для Толи жену посерьезнее. Да что поделаешь!

Вот наконец домик Найды. Как он любит свой уголок на далекой окраине. Садик, зеленый забор, резная калитка с синим почтовым ящиком. За калиткой — две дорожки: одна — к крыльцу Найды, вторая — на соседскую половину. Полкоттеджа Алексей Платонович после смерти жены продал генералу в отставке Афанасию Панкратовичу Климову. Стали друзьями, как говорят, водой не разольешь: общий садик у них, гараж на два бокса, широкий стол для настольного тенниса, который сами смастерили себе, чтобы не терять спортивной формы.

Анатолий попросил водителя подождать, а сам с чемоданом в руке направился на генеральскую половину. Отцовская временно занята крановщицей с двумя ребятишками. Генерал с женой рады этому. Под старость одним скучновато, сын — летчик-истребитель — служит на Севере, внуки выросли, учатся в институтах, отчего бы им не дать пристанище хорошему человеку?

Анатолий взбежал на крыльцо, постучал в окно.

— Есть кто-нибудь дома?

Афанасий Панкратович возился в саду. Обрадовался возвращению соседа из заграничной поездки. Лопату в землю, обтер руки о полы старенького брезентового плаща. Заторопился к дому. На его бородатом лице появилась радостная улыбка.

— Приветствую вас, дорогой друг! — загремел еще издали, торопливо шагая среди деревьев по вскопанной комковатой земле. Полы плаща касались измызганных голенищ кирзовых сапог.

Тут из-за сарайчика показалась генеральша. В противоположность своему невысокому сухощавому супругу она была дородной. В теплой стеганке, повязанная цвета-

стым платком, она походила на колхозницу, которая, урвав свободную минутку, хлопочет на своем приусадебном участке. Климов, хотя и боевой профессии человек, любил цветы, выращивал в своем палисаднике невиданной красоты розы. В свое время брал Дуклю, шел со своими дивизиями под вражескими пулями, через Вислу на Сандомирский плацдарм переправлялся, вся грудь в орденах, а теперь, как ни удивительно, выращивал розы. С увлечением работал вместе с женой в саду, занимался немудрящими хозяйственными делами.

— Заходите, заходите! — ласково пригласила Анна Мусиевна дорогих гостей, улыбаясь своей широкой, доброй улыбкой.

Климов, стащив с себя на веранде плащ и сменив сапоги на теплые домашние тапочки, выхватил из рук Анатолия чемодан и широко распахнул дверь в горницу.

— Мы уж думали, что вас пригласили на пост советника по высотному строительству в Берлине, — говорил Климов. — Пожалуйста, заходите! Раздевайтесь. Тосечка, вы же не впервые здесь... И ты, Анатолий, смелее... С дороги полагается закусить.

Найда-младший сказал, что ему в рабочее время не положено, ведь машина его ждет. Пообещал прийти вечером, а сейчас ему на совещание к директору... Виновато улыбался, стоя перед радушным хозяином и не зная, как выбраться из уютной, заставленной старомодной мебелью и увешанной ковриками квартиры. Однако спорить с генералом было бесполезно.

Алексей Платонович тем временем снял костюм и надел пижамные брюки и белую рубашку. В этой маленькой комнате он жил уже второй месяц, уступив свою квартиру Ольге Звагиной с детьми. Она ушла от мужа, «соломенная вдова» теперь. Вскоре должны сдать новый дом и ей, лучшей крановщице в бригаде Найды, дать квартиру. Алексею Платоновичу захотелось пойти к Ольге Антоновне, она, верно, сейчас дома — ведь нынче выходной — и возится с детьми. Маринке нужно погладить на завтра в школу форму, а Наталочка — несмышлениш, еще с ложечки ее кормят. Найда вспомнил о жене, о том времени, когда Толя был маленький. Он, Найда, часто тогда с мальчишками гонял на улице мяч. Катерина по воскресеньям пекла вкусный пирог. По вечерам приходили друзья из бригады, допоздна слушали радиолу, ста-

ринные украинские песни. Был у них уже тогда маленький телевизор, первая марка КВН, полированная шка- тулка с крохотным экранчиком. Он стоял в углу возле шкафа, и гости за чаем дивились неслыханному по тем временам чуду: прямо в доме был свой театр или кино... А сейчас Толю ждет машина у ворот — стал большим человеком, грозитя снять фильм, в котором он, бригадир Найда, будет главным героем. В герои мне не надо, сы- нок! Ты лучше свою жизнь устрой, с Тосей заживите по- человечески.

Войдя в гостиную, где Анна Мусиевна расставляла холодную закуску на белой скатерти, Алексей Платоно- вич, раскрыв чемодан, стал вынимать привезенные подар- ки. Прежде всего, конечно, то, что купил для невестки.

— Ой, спасибо! — млела от восторга Тося, примеряя ажурную розовую кофточку. — Боже, какая прелесть! А это что? Лак? И не забыли, что перламутровый? Толик, у тебя папа — просто чудо! Алексей Платонович, спаси- бо, — говорила Тося, чмокая свекра сначала в одну, а по- том в другую щеку.

Найда и вправду не поскупился на подарки снохе. Сыну — галстук и шариковую ручку, себе и соседям по скромному сувениру. Зато Тосе подарки — и на диване, и на столе, и на стульях..

Она целовала свекра еще и еще, глаза ее счастливо сияли, она то и дело предлагала тост за здоровье «мило- го-милрого папочки» и вскоре совсем опьянела.

Климов ел мало, больше расспрашивал о Лейпциге. Он во время войны был в тех местах. Американцы явились туда первыми и вывезли все, что можно было. А как там теперь? Товары у них неплохие. И в мировой политике не из последних. Строгость любят, дисциплину, порядок.

— Это они любят, — согласился Найда, — даже черес- чур.

— Лучше уж чересчур, чем недотяжка. А то как на «экстру» нажимать — уговаривать не приходится. А как работать... Да вы сами знаете, Алексей Платонович! — не- весело махнул рукой Климов. — Миритесь с этим...

— Кто мирится? — удивился Анатолий.

— Очень просто, мой милый, — засопел генерал. — Из управления в управление перебрасывают бездельни- ков — «по собственному желанию», так сказать. Пора начать с этим решительно бороться. Строжайше пресе-

каты! Рабочее место должно быть святым. Понимаю: моя категоричность кажется вам солдафонством, но ваш либерализм — это, в конце концов, измена собственным убеждениям. Может, я не прав? Может, я кажусь вам смешным?

Анатолий чуть заметно улыбался. Алексей Платонович, сжав кулаки, строго глядел в одну точку.

— Нет,— произнес Найда после минутного молчания,— смешного тут мало. Думаю, порядок везде нужен — и в семье, и в деле.

Анатолий так и встрепенулся. Глаза его немного сузились, и он с интересом уставился на отца. Он очень его любил и всегда поражался, открывая в нем новые для себя черты. Не так уж прост его батя, как может сперва показаться. Глыба, силища, целый мир!.. Вот он вынул сигареты, покрутил в руках коробку, подумал и произнес с уверенностью:

— Нет порядка — нет умения.

Сказал тихо, как нечто обычное. Без претензии на оригинальность. Но Анатолий почувствовал в этих словах особый смысл. Порядок для того, чтобы уметь!.. Дисциплина для того, чтобы научиться работать. Научиться подчинить себя главному направлению в жизни.

— В принципе верно...— поддержал Анатолий отца.

— Да что тут мудрить! — продолжал Алексей Платонович.— Правду говорит мой дорогой сосед: рабочее место должно быть святым! Потерял уважение к рабочему месту — потерял себя как работника. Пустое место ты! Разве мало у нас таких... потерянных? Ему все-все безразлично, ему наплевать и на мать и на отца. Когда присмотришься к такому, то видишь, что ничегошеньки он не умеет. Только кичится: я, мол, рабочий класс! Уважайте меня, почитайте!..— Найда безнадежно махнул рукой.— Строгости у немцев, конечно, хоть отбавляй. Но мне наша душевность больше по нутру. Хорошо, когда и порядок, и умение есть — и все это идет от сердца.

Анатолию пора было ехать, он взял с собой и Тосю, у которой были какие-то дела, а скорее всего, ей не терпелось похвастаться перед подругами своими заграничными обновами, подаренными свекром. Когда они ушли, Найда с облегчением вздохнул и потянулся за бутылкой.

— А теперь давайте, Афанасий Панкратович, от души...— и налил генералу и себе по полной.

Анна Мусиевна ушла на кухню, и друзья остались одни.

Алексею Платоновичу не терпелось узнать мнение Климова о волновавшем его деле. Рассказал генералу, что ездил в Визенталь. От сиротского дома нет и следа. Но все-таки он разыскал одну бывшую воспитанницу этого приюта — дочь покойной Густы Арндт.

— Помните, я вам рассказывал о ней? Коммунистка. По заданию партии пошла работать в гестапо, чтобы спасти своих...

— Почему покойной? — поднял седые брови Климов. — Ей же удалось вместе с вами бежать из лагеря?

— Да, удалось. Она умерла совсем недавно. Года два назад, в Лейпциге. После тяжелых переживаний... Мужа убили нацисты. Маленькую дочку в сорок шестом переправили в Западную Германию. Здесь много неясного. Думаю, кто навел гестаповцев на след ребенка? Почему фашист Шустер увез Ингу на Запад?

— А что говорят сами немцы?

— Густу Арндт посмертно наградили орденом Республики. О ней помнят старые коммунисты, ее имя в почете. Я видел в музее несколько ее фотографий, писем, протоколов допроса... И фотографию ее мужа, Ингольфа Готте. Чудесный был человек, мы с ним сидели в одном блоке. Его убили при побеге из лагеря. Когда Инга подросла, Шустер втолковал ей, что Густа Арндт была настоящей арийкой, ведь это она предала ее отца, Ингольфа Готте. Все невероятно запутанно и сложно. Я так и не смог ничего объяснить Инге. Теперь у меня такое чувство, словно я перед ней виноват...

Они еще долго беседовали. Потом Анна Мусиевна принесла чай. Пили молча и думали все о том же. Было грустно оттого, что многое ушло в прошлое, кануло в бездну, и эта бездна поглотила тайну. Смерть Густы какой-то стороной касалась и Алексея Платоновича, именно теперь он почти совершенно отчетливо ощутил это, боялся сознаться самому себе в главном: ведь это Густа Арндт спасла его от верной гибели, а он, Найда, не смог в свое время спасти ее дочь. Не успел спасти. И этим обрек Густу на невыносимые страдания.

— Но ведь дочь вернулась, — сказал генерал Климов. — И, наверное, счастлива.

— Она счастлива, потому что не знает, как страдала ее мать.

— Вы правы. Не знать чужого страдания — значит уйти от этого страдания и не быть к нему причастным.

— Инга не была причастна, — твердо произнес Найда, — из-за того, что была ребенком, ничего не понимала... А вот я был... Только долго надо рассказывать... — Он вдруг поднялся, согнал с лица тень воспоминаний. — И вообще, уже поздно печалиться из-за этого. Спасибо вам, Анна Мусиевна, за радушие, гостеприимство, чудесный вечер.

Пошел в свою комнату. Присел на диванчик. Загляделся в завешенное тюлевой занавеской окно на туманно проступившие контуры соседнего дома. Напрасно он разволновался. Инга молода, энергична. И, конечно, счастлива. А впрочем, не ему, Найде, разбираться, кто счастлив, кто несчастлив. Столько о счастье написано, столько сказано, а не каждому оно достается в жизни, хотя каждый о нем мечтает, если говорить о счастье большом, о счастье настоящем. Есть у них в управлении инженер по технике безопасности — Кадера, два диплома имеет, детей своих уже на ноги поставил, трехкомнатная квартира над Днепром, сад, «Жигули»; все ему втайне завидуют: вот, дескать, счастливый, живет, будто в сорочке родился. Однако думалось Найде, что этот человек вряд ли чувствовал себя счастливым, недавно он признавался Найде чуть ли не со слезами на глазах: «Замучила меня дача, и машина, и мебель. Тому достань, тому дай, того ублажи! Знаю ведь, что в могилу ничего с собой не возьму, но как увижу, что у соседа есть, — сердце разрывается, будто рана в нем горит». Глядел на его измученное лицо Алексей Платонович, на мешки под глазами, на густую сетку склеротических жилок на щеках, и, ей-богу, было жаль человека.

Случалось, и у него кто-нибудь спрашивал: «А ты счастлив?» Он и сам задумывался, счастлив ли? Уже не молод, здоровье сдает, жена умерла. Семьи фактически нет. Другой бы на его месте загрустил, а он — нет, сдаваться пока не собирается, живет, работает, всю душу делу отдает. А стоило представить себя на верхотуре, где монтируется высотный дом, сразу из бескрайней синевы неба, с дальних степей на него наплывало ощущение окрыленности, а весь мир казался таким ясным, светлым, прони-

занным золотом солнца, и он невольно начинал улыбаться, а те, кто наблюдал за ним в эту минуту, радовались за него: у нашего Найды все хорошо!

Если бы он только мог разделить с кем-нибудь это счастье, все отдал бы, нисколько ни поскупился. Вот и сегодня приехал издалека в чужую квартиру. Два месяца живет на его половине крановщица Ольга Звагина с детьми. Дочь инженера Звагина, с которым сидел в концлагере, вместе шел на смерть, — разве он мог оставить ее в беде? Неудачница эта Ольга, мыкается по свету как пережаренное сало, не может устроить свою семейную жизнь. Найда, вернувшись с войны, долго разыскивал ее по адресу, который еще в Германии дал ему Звагин. Сперва нашел село, в котором у Звагиных была родня и куда его жена перед самой войной поехала отдыхать с маленькой Олей. Село сожгли оккупанты, людей расстреляли за связь с партизанами. И никакой Ольги Звагиной. «Не ищите, товарищ майор, ее мать во рву похоронена, сестры тоже...» — «А ребенок где?» — «Верно, забрал кто-нибудь из родни».

Снова искал, упорно писал по всем адресам и инстанциям, так как должен был сдержать данное товарищу слово. Разыскал, когда она уже была замужем. Через много лет передал ей последнее отцовское «прощай». Посидели, погрустили за бутылкой вина. Ольга была стройная, красивая женщина с большими глазами, полными печали, и, глядя в них, он снова вспомнил слова Звагина: «Не покидай ее! Прошу тебя, не покидай!» Ольга жила с мужем Костиком, тихим, чернявым, приятной внешности человеком. У них уже родилась Маринка, а потом вторая дочка, все как будто ладилось в семье, получили квартиру, и Костик хвастался, что хочет купить «Москвича», дескать, хорошо зарабатывает, деньги на машину собрал. Потом Ольга написала Найде, что Костик завербовался на стройку. Долго о нем не было слышно, потом стал присылать деньги, изредка коротенькие письма. Через год внезапно объявился: нужен развод! Якобы фиктивный. Клялся, что фиктивный. Надо для одного дела. Она согласилась, и он уехал. Через некоторое время написал, что просит принять его, что устал, измучился, хочет жить дома. Но Ольга решительно заявила: нет! И даже когда приехал, и ползал перед ней на коленях, и молил, клялся, обещал — осталась непреклонной. Пускай

уезжает туда, где хорошие заработки. А ей нужен муж и детям нужен отец настоящий. Тогда Найда перевез ее с детьми к себе: живите! При Костике Ольга работала продавщицей в продмаге — теперь не захотела. Алексей Платонович подсказал Ольге, что нужно пойти на курсы крановщиц, чтобы иметь солидную профессию. Ведь дочери растут! Было ей сорок, когда она с детьми поселилась у него. Хорошо, что Климовы свои люди, прямо как родные, а то и жить ему было бы негде.

Найда углубился в размышления, невольно прислушиваясь к тому, как в его квартире включили телевизор, послышался строгий Маринкин голос, — верно, она за что-то отчитывала свою младшую сестренку; потом они стали двигать мебель, раздался грохот — упал стул, а может, книжка, и Маринка вдруг громко засмеялась, ее звонкий смех теплым ветерком ворвался в душу Найды. «Пятьдесят четыре года — и такое горькое, нестерпимое одиночество», — подумал Найда.

Хотелось отдернуть гардину. Никакого дождя там нет. Завтра он поднимется на десятый, двенадцатый, пятнадцатый этаж, увидит монтажников своей бригады, окинет взором синий безбрежный простор — и к чертям, к чертям этот дождь! Нельзя человеку долго сидеть в маленькой комнате, когда за стеной слышится детский смех, веселая беготня и женский голос обращается к кому-то настойчиво и нежно.

Быстро постелил себе на диване, разделся и лег спать.

* * *

Сколько бы ни минуло лет, а при слове «Визенталь» в памяти Найды и теперь возникает плечистый, в клетчатом костюме и блестящих крагах молодой немец с фашистской свастикой на рукаве. Был он рядовым врачом в клинике своего папаша Генриха Шустера, отличался необыкновенно развитым чувством арийского патриотизма, мечтал попасть под штандарты СС, обожествлял фюрера, преклонялся перед древними готскими легендами и мифами, считал себя потомком нибелунгов. Но об этом Найда узнал позднее, в черные концлагерные дни, после операционного стола, на который уложил его Шустер-старший.

С Шустером-младшим он познакомился на рассвете

22 июня 1941 года. Ласково пригревало солнце, на холмистых немецких полях переливались созревшие хлеба, день обещал быть жарким, асфальтовое шоссе издавало смолянистый сладковатый запах. Вилли Шустер, подтянутый, с солнечными бликами на крагах, в охотничьей шляпе с перышком, стоял на шоссе и ругался то ли от злости, то ли с перепугу:

— Сволочь!.. Красная сволочь!..

Он и в самом деле испытывал страх и от этого еще больше раздражался. Лицо его налилось кровью: он еще не мог понять, чем это происшествие на шоссе обернется для него в дальнейшем. Ведь он, молодой член национал-социалистской партии, вояка из местного штурмового отряда, право же, не виноват, что произошла такая нелепая авария — ясным солнечным утром, в триумфальный час начала «великой исторической битвы с большевизмом».

А быть может, виноват ты, Алексей Найда, советский парень в серой кепочке, в пиджачке из простой дешевой материи, водитель советской посольской машины? Может, недостаточно проинструктировали тебя в посольстве, не напомнили о том, что ты комсомолец, бескомпромиссная душа, работаешь не в давней добропорядочной Германии подобострастных бургеров, среди веками устоявшегося «орднунга», аккуратности, уважительности к иностранцам, а в Германии, задымленной пожаром рейхстага, в Германии концлагерей, бесчинств, гестапо и доносчиков?

Найда вез в Берлин ответственного работника советского посольства Антона Васильевича Звагина. Из того, что повидали в пути, было ясно: не сегодня завтра, найдя подходящий предлог, фашисты обрушатся всеми своими бронированными дивизиями на советскую границу, на советские города и села.

В воскресенье, еще до рассвета, Звагин и Найда выехали из Лейпцига по главной берлинской магистрали и сразу же попали в скопление войск, бронированных машин, санитарных автобусов, маршевых колонн; их оглушил рев моторов, писклявые звуки губных гармошек и помпезные, браваурные марши, которые неслись отовсюду: из репродукторов, из военных автомашин, прямо с неба. Вся немецкая земля, казалось, гремела от этих громогласных мелодий, от них содрогались деревья, поля, каменные дома, старинные замки, их горланили молодые солдаты

с засунутыми под левый погон пилотками, раскрасневшиеся, беззаботные, нетерпеливые, как мальчишки, которые собрались на невинную воскресную прогулку за город.

— Война! — сказал Звагин, уловив несколько слов из громкоговорителя на одной из узеньких улиц городка, через который они как раз проезжали.

— А может, просто маневры вермахта? — попытался отместить мрачное предположение Алексей.

— Нет, объявлено по всей империи, — отрубил жестким, ледяным голосом Звагин, поглядывая на солдатские мундиры за стеклом автомашины.

«Значит, началось, — подумал Алексей, крепче сжимая баранку. — Вот так, с песнями и музыкой».

Найда знал, что такое война, — две недели он проторчал в лютые морозы, на ледяном ветру перед линией Маннергейма, когда их, только что сформированный полк лыжников-стрелков, бросили на прорыв. Тогда ему, водителю минометной роты, впервые довелось встретиться со смертью. Подвозил снаряды на огневые позиции, попал под артобстрел, задний скат оторвало начисто, и перекосившийся кузов завалился набок так, что ящики с минами съехали в обледенелый сугроб. Страху не было, только мучила мысль о том, что на батарее его ждут с минами, что скоро начнется артподготовка, а он застрял. Но в следующий миг предостерегающе просвистела пуля финского снайпера, и Найда кинулся за ящики со снарядами и притаился там, чувствуя свою беспомощность. Снайпер держал Найду под прицелом несколько часов, пока его самого не сняли наши стрелки, прочесывавшие лес. После на батарее смеялись — мол, финская «кукушка» чуть не подстрелила украинского соловья (у него был неплохой голос). С того дня у Алексея Найды в волосах появилась первая седая прядка.

Финская закончилась быстро. Потом был отпуск в родной Харьков, встреча с матерью в их кирпичном доме возле Сумского базарчика, вкусные утренние пирожки, прогулки по городу, кинофильмы в кинотеатре «Прогресс» и веселые вечера с девушками в скверике, напротив Шевченковского театра. Настоящую войну Алексей себе не представлял и вместе с другими беззаботно и уверенно пел: «Если завтра война, если завтра в поход...» Всем хотелось верить, что война еще далеко, возможно, ее вообще не будет, а если она и начнется, то закончится, ко-

нечно, скорой победой наших войск и полным разгромом врага. Снова и снова в кинотеатрах показывали «Профессора Мамлока», настроение у всех было боевое, задорное. Пусть только начнут — станут пенять сами на себя!»

Но как бы задорно ни пели парни о будущей войне, где-то в подсознании уже зарождалось чувство тревоги, война давно входила в их жизнь, настраивала на суровый лад. И поэтому сейчас, глядя сквозь ветровое стекло на немецкие маршевые колонны, на полевые немецкие кухни, которые тащили толстогрудые битюги, на прицепленные к грузовикам пушки, Алексей чувствовал себя так, словно все это уже было им пережито давно, еще задолго до финской кампании. Ему казалось, что еще в невероятно далеком прошлом, когда они, мальчишки, идя в школу, забегали в Шатиловский яр пальнуть из пугача или же устраивали засады за деревянными заборами, подстерегая своих «противников» из соседнего двора, забрасывали их камнями и атаковали, вооруженные самодеятельными деревянными ружьями, тогда, вероятно, и происходила их внутренняя подготовка к суровому будущему, к настоящей войне со всей ее жестокостью, болью и страданиями, и уже тогда, рисуя в стенной газете карикатуру на Гитлера, который угрожает бомбой красноармейцу в длинной серой шинели, Алексей как бы созревал для великой и справедливой ненависти.

— Проезжай, не останавливаясь! — велел ему Звагин.

Их пытался оттеснить в сторону солдат-регулирующих с белой повязкой на рукаве, он азартно махал флажком, что-то кричал, яростно выкатив глаза, но машина покатилась дальше, и регулировщик исчез в гроыхающей дорожной кутерьме.

Нужно было ехать как можно быстрее, преодолевая эти, забитые солдатней, километры до Берлина. Только скоростью они могли спасти себя, избежать встречи с жандармерией. Они оказались в глубоком вражеском тылу, за линией фронта, и это вселяло чувство смертельной опасности.

Найда мельком глянул на Звагина, невысокого, сухощавого человека в очках, в кепке, хотел прочесть на его лице смятение или, может, тревогу, но тот сидел прямо, смотрел, прищурясь, вперед, и что-то упрямое и непре-

